

УДК 82-31

DOI: 10.26907/2074-0239-2022-68-2-107-115

ОБРАЗ РОССИИ В АНГЛИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ О РУССКОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ

© Вера Новикова

THE IMAGE OF RUSSIA IN ENGLISH LITERATURE ON THE RUSSIAN CIVIL WAR

Vera Novikova

Based on the novels about the Russian Civil War (1918–1922), the paper discusses stereotypical perceptions of Russia in the public consciousness of Great Britain. The paper recalls “the myth of Russia”, which has gained its content over the centuries: a cold space of a despotic state inhabited by the slave population. This myth was destroyed in the first decades of the twentieth century when the British displayed a deep interest in Russian culture and a positive attitude towards it, called “Rusomania”. The study claims this position is reflected in the first works about the Revolution of 1917 and the Civil War, which show these events as an explosion that destroyed the real Russia. However, a new transformation of stereotypes is taking place at the beginning of the 21st century. Our article analyzes the image of post-revolutionary Russia in James Meek’s novel “The People’s Act of Love” (2006). Its events take place in Siberia in 1919 in the village of Yazyk, the habitat of the skoptsy (castrates) sect. Here, a clash arises between the Czechs and the Bolsheviks. The author offers several “Russian” narratives, associated both with the idea of love and with the approval of violence in the name of love. Thus, the Russia image is made up of an endless severe Siberian frost and snow, the worldview of castrates as the foundation of Russian mentality, bloodshed and innocent victims. The conclusion is made that James Meek clearly returns to the myth of Russia that had been created in Great Britain by the 16th century and significantly enhances its negative components, which seem to have been overcome in the twentieth century, rejecting the idea of the true spirituality of the country.

Keywords: image of Russia, Civil War, English novel, James Meek

В статье рассматриваются стереотипы восприятия России в общественном сознании Великобритании на материале романов о Гражданской войне (1918–1922). Автор напоминает, что в течение столетий сложился «миф о России», в котором страна предстает как огромное холодное пространство деспотичного государства с населением-рабами. В первые десятилетия XX века этот миф был разрушен, поскольку для англичан был свойственен глубокий интерес к русской культуре и позитивное отношение к ней, получившие название «русомания». В ходе исследования констатируется, что эта позиция отражается в первых произведениях о революции 1917 года и Гражданской войне, показывающих эти события как взрыв, уничтоживший подлинную Россию. Однако к началу XXI века происходит новая трансформация стереотипов. В статье анализируется роман Д. Мика «Декрет о народной любви» (2006). Действие романа происходит в 1919 году в сибирском селе – месте обитания секты скопцов. Здесь происходит столкновение чехов и большевиков. В повествовательной структуре романа выявлены те нарративы, которые писатель называет «русскими». Каждый из них утверждает необходимость насилия во имя любви. Образ России складывается из холода сибирской зимы, мировоззрения скопцов как одной из основ русского менталитета, большого количества крови, невинных жертв. В результате предпринятого исследования делается вывод о том, что современный английский писатель не только возвращается к старому мифу о России, но и заметно усиливает его контрасты, отказывается от идеи подлинной духовности страны.

Ключевые слова: образ России, Гражданская война, английский роман, Джеймс Мик

Специфика образа России в литературах зарубежных стран является одной из самых значимых проблем имагологии. Значительное внима-

ние уделяется ей в отечественной англистике. Образ нашей страны формировался в Англии на протяжении многих столетий. Н. П. Михальская,

явившаяся одним из основоположников самого направления имагологии в данной области [1], в своей монографии «Образ России в английской художественной литературе IX–XIX вв.» определила фундаментальную основу представлений о России, сложившуюся уже к XVI веку, как определенный миф, с отчетливо выраженными составляющими: «Страна не просто большая, но огромная; богатство несметное, нищета невиданная, рабство полное, власть абсолютная (отметим четкую противопоставленность „верха“ и „низа“ в структуре образа), мороз ужасный, жизнь самая суровая...» [2, с. 147]. С. Б. Королева в диссертационном исследовании «Миф о России в британской литературе (1790-е – 1920-е годы)» предлагает в истории развития названного мифа выделить четыре этапа: «оформление „ядра“ мифа вокруг образа запредельного, большого, чудовищно-сильного пространства в XII–XIII вв.; формирование следующего слоя в XVI–XVII вв. вокруг образа псевдохристианской примитивно-туземной страны; развитие нового слоя во второй половине XVIII–XIX вв. в связи с образом мощного, деспотичного, варварского государства-агрессора; формирование принципиально иного слоя в начале XX века вокруг образа религиозного, душевно и духовно богатого народа» [3, с. 411–417].

Одним из значимых событий русской истории в XX веке явились Октябрьская революция 1917 года и последующая Гражданская война (1918–1922). Целью данной статьи является сопоставление тех стереотипов восприятия России и «русскости», которые были свойственны обществу и литературному самосознанию Великобритании в начале XX века, с теми, что характеризуют первые десятилетия XXI века. Материалом служат произведения, посвященные Гражданской войне, в том числе роман британского писателя Джеймса Мика «Декрет о народной любви» («The People's Act of Love») (2005).

События, произошедшие в России в 1917 году, вызвали значительный интерес в Великобритании и нашли отражение в многочисленных мемуарах, среди которых выделяются написанные послом Великобритании в России сэром Джорджем Бьюкененом [4] и членами его семьи, в дневниках англичан, оказавшихся в Петербурге и Москве в этот революционный год, в отчетах журналистов. О революционном Петрограде написаны роман Хью Уолпола «Таинственный город» («Secret City») (1919), с этими же событиями связаны сборник рассказов «Эшенден, или Секретный агент» («Ashenden, or the British Agent») (1928), роман «Рождественские каникулы» («Christmas Holiday») (1939) С. Мозма. И

тот, и другой авторы были в 1917 году в Петрограде. Пониманию позиции авторов всех этих источников может способствовать представление о предреволюционных десятилетиях, которые характеризует всеобщая увлеченность русской культурой в самой Великобритании. Изданный уже в наше время в Великобритании сборник статей «Россия в Британии, 1880–1940. От мелодрамы к модернизму» («Russia in Britain, 1880–1940. From Melodrama to Modernism») (2013) прослеживает масштаб влияния русской культуры на британскую интеллектуальную жизнь: начиная с 1880 годов его авторы говорят об очарованности этой культурой, приобретшей масштаб «русомании» [5]. Этому способствует прежде всего то впечатление, которое производит на английское общество масштаб дарования и творчества русских писателей И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова. В нашей стране то же утверждает Т. Красавченко: «Во время Первой мировой войны Англию охватила эпидемия культурной русомании. В Лондоне был издан иллюстрированный сборник статей „Душа России“. Выражение „русская душа“ не сходит с уст английских писателей и критиков. Именно душа, по мнению Вирджинии Вулф, – главное в русской прозе» [6]. Сама В. Вулф писала о русском влиянии как одном из важных источников обновления литературного развития. «Если мы хотим понять человеческую душу и сердце, где еще мы найдем их изображенными с такой глубиной? – спрашивает она. – Самые скромные русские романисты обладают естественным уважением к человеческому духу» [7, 179]. Вследствие этого, во-первых, Россия воспринимается почти исключительно сквозь призму произведений великих русских писателей, во-вторых, сами английские писатели признают невозможность творить без учета опыта русских авторов.

На понимание специфики русской души оказывает воздействие также личность С. Степняка-Кравчинского, олицетворяющего для англичан русский нигилизм и революционность, его общественная и творческая деятельность. Степняк-Кравчинский жил в Великобритании с 1884 года. В восьмидесятые годы XIX века в этой стране выходят его книги «Underground Russia» («Подпольная Россия»), «Russia under the Tsars» («Россия под властью царей»), роман «The Career of a Nihilist» («Жизнь нигилиста»). В 1890-е гг. Кравчинский организует «Общество друзей русской свободы», которое поддерживает революционеров России и выпускает ежемесячник «Свободная Россия». Именно Сергей Степняк становится воплощением душевной сущности «восторжен-

ных друзей человечества», как он называет русских нигилистов, для англичан. Восприятие его личности также становится определенным стереотипом. А. Байетт в романе «Детская книга» («The Children's Book») (2009), посвященном эдвардианской эпохе (первому десятилетию XX века), вводит этот стереотип в сложную систему образов своего произведения. Н. С. Бочкарева в статье «Реминисценции русской культуры в романе А. С. Байетт „Детская книга“» указывает, что «кроме сочинений князя Петра Кропоткина... в романе косвенно присутствует Сергей Михайлович Кравчинский, известный всем под кличкой Степняк и ныне ставший любимчиком английских социалистов и анархистов» [8, с. 49]. Автор статьи приводит объяснения Байетт, данные ею в интервью: «Я изучала русских на примере Сергея Степняка-Кравчинского, террориста-народника, который бежал за границу и какое-то время жил в Англии – пока не погиб, попав под поезд. Со Степняком работала Констанс Гарнетт, знаменитая переводчица, благодаря которой англичане прочли Толстого, Чехова и других русских авторов. Все в Лондоне обожали Степняка – надо думать, он был человеком огромного личного обаяния. Может, лондонцы и не знали, что он убил шефа жандармов Мезенцова – думали, что он нигилист, бежавший из царской России. Именно он послужил мне источником вдохновения» [8, с. 50].

Положительные изменения в восприятии России в начале XX века связаны также с политической ситуацией, поскольку Россия становится союзником Великобритании и, соответственно, получает всемерную поддержку периодической печати, имеющей более чем трехсотлетнюю традицию воздействия на умы граждан, – в постоянных публикациях журнала «Таймс», а также в публицистике Мориса Беринга и Стивена Грэхема, путешествующих в предреволюционное десятилетие по России. В предисловии к книге «Непознанная Россия» (1914) С. Грэхем в соответствии с традицией отмечает, что русские – «нация сельских жителей», неграмотных, как дикари, с великаньей силой. Однако он высказывает и новую, существенно важную для этого и последующих периодов мысль: «Они живут той жизнью, какой желал Рескин для англичан, какой он пытался убедить их познать. Русские послушно религиозны, по-настоящему уважительны к старшим, верны земле, которую пахут, довольны своей старой материальной культурой, не используют механизмов и фабричных вещей, а изготавливают все, что им нужно, сами, в основном из сосны. Они абсолютно цельны, никогда ниоткуда не „выпадают“, как то бывает с англи-

чанами. В России не существует проблемы „возврата к земле“ и еще сотни лет ее не будет» [9]. Если учитывать то сильнейшее влияние, которые имели идеи возврата к доиндустриальной фазе развития Великобритании как определенному национальному утопическому идеалу среди английской интеллектуальной элиты в последней трети XIX века, то характеристика, данная Грэхемом народу России, обнаруживает неожиданный ракурс: русские находятся в той фазе своего развития, которая может быть воспринята как своего рода идеальная англичанами. Эта идея явно витает в атмосфере русомании начала XX века. Таким образом, Россия предстает как страна, обнаружившая некое глубинное сходство нравственных и эстетических установок с особенностями английского духа.

Революция и Гражданская война воспринимаются как катастрофа, разрушившая ту патриархальную страну с мощным потенциалом духовности, образ которой с 1880-х годов сложился к этому моменту. «Триумф хаоса» описывается в мемуарах и в немногочисленных романах того периода. Следует отметить, что в этих произведениях отчетливо влияние и текстуальное присутствие произведений Ф. М. Достоевского, из всех русских классиков ближе всего подошедшего к тем глубинам русской души, которые предопределили саму возможность революционного взрыва. Исследователь обнаруживает это присутствие, например, в романе Уолпола [10]. Нельзя в целом недооценивать склонность англичан воспринимать русских сквозь призму известных им из русской классики образов.

Восприятие революции как исключительно деструктивного явления, разрушившего подлинную Россию с ее душой, воспринятой и воспетой уже англичанами в романтическом и отчасти мистическом духе, характерно впоследствии и для историографических исследований. Так, Орландо Гай Файджес, британский профессор истории в Биркбеке (Лондонский университет), автор целого ряда книг о русской истории, в обобщающей монографии «Трагедия народа: Русская революция 1891–1924» («A People's Tragedy: The Russian Revolution: 1891–1924») (1998) утверждает, что «Российская Революция стала важным событием двадцатого столетия. Однако она привела к отказу от демократического развития, так как сама по себе революция стала источником вырождения в насилие и диктатуру [11, с. 79]. Этот автор обвинялся в целом ряде фактических неточностей в его работах о сталинской России, однако его суждения о значении революции в Великобритании никем не опровергаются и вполне коррелируют с подобными исследова-

ниями и сегодня. Интерес к этим событиям у историков на протяжении столетия не угас. Библиография в этой области огромна. Даты революции чаще всего обозначены 1917–1924 (1921, 1926), в отличие от дат, принятых в России, а именно: 1918–1922. Это говорит о том, что британские историки не разводят саму революцию и Гражданскую войну в разные события.

В отличие от собственно революции, Гражданская война практически не нашла своего отражения в британском литературном процессе, за исключением гораздо более ограниченного, по сравнению со свидетельствующими о 1917 году, круга мемуаров, таких как «Интервенция на Дону и Северном Кавказе 1918–1920 гг. Воспоминания английского офицера Хадлстона Уильямсона» [12]. У. Хадлстон, 32-летний английский кадровый офицер, имеющий военный опыт Первой мировой войны, отправился в Россию вместе с другими офицерами, откомандированными в качестве инструкторов в белогвардейские войска на Кавказе и в Крыму. Он вполне отчетливо формулирует тот посыл, который привел его в эти войска: «Я вышел из тех слоев общества, чьи привилегии в то время были очень весомыми, и рассматривал русскую революцию не столько как борьбу рабочих за то, чтобы поправить многое, что было неправильно, сколько как борьбу злых людей, стремившихся покончить с обществом, которому я принадлежал... А поскольку вести о коммунистических зверствах шли широким потоком, я думал о великой армии и великой нации, подвергшихся процессу жуткого распада, зависящих от милости революционной толпы, которая не щадила ни женщин, ни детей в своем бешеном стремлении к воплощению так называемой свободы» [12]. Обратим внимание на характеристики: «великая армия» и «великая нация» по отношению к русской нации и к ее армии. Как и его современники, воспитанные в русомании, Хадлстон явно видит то самое глубинное сходство нравственных и в каком-то смысле политических основ с фундаментальными ценностями своей империи. Защищать их для английского офицера оказывается нравственной потребностью, соответствующей тому чувству долга, который присущ его соотечественникам: «Та же самая моральная сила посылала тысячи молодых людей в вербовочные пункты в 1914 г. И вела их на смерть на Сомме и у Пасхендале ради идеи, в которую они верили» [12].

Однако пребывание в белогвардейской армии заканчивается глубоким разочарованием для Хадлстона. Он выполнял свой почетный долг, как он его понимал, но встретил слишком много фанатизма, корыстолюбия, лени, трусости и ци-

низма. Все эти качества русских, обнаруженные в конкретных ситуациях, подробно описанных автором мемуаров, привели к неожиданной для него катастрофе. При этом он с восторгом описывает тех прекрасных русских людей, которых он встретил в этих же ситуациях. В финале Хадлстон пишет: «Многие искусные писатели о России восхваляли ее, описывая ее ширь, белизну, простоту. Я не могу соперничать с этими более одаренными людьми. Но я просто могу сказать, что Россия влечет меня своей загадкой, зовет меня даже сейчас, после всех лет ее страданий. Чары, которыми она околдовала меня, никогда не исчезнут» [12]. Несмотря на все произошедшее, он сохраняет веру в тот образ России, который стал стереотипом для англичан к 1914 году.

В литературном процессе после произведений начала XX века наступает пауза в несколько десятилетий, когда внимание английских писателей переключается на события Второй мировой войны, а затем на раскрытие трагедии сталинизма. Через почти столетие появляются романы П. Фицджеральд «Начало весны» (1988) и А. Байетт «Детская книга» (2009), которые «по-разному воссоздают историческую ситуацию накануне Первой мировой войны, но в обоих ощущается атмосфера предреволюционного брожения, бунта, ожидания перемен. У П. Фицджеральд действие происходит в основном в России, а у А. Байетт – в Англии» [13, с. 13].

Одним из редких романов, посвященных именно Гражданской войне в России, является роман Джеймса Мика «Декрет о народной любви» (2006) [14]. Джеймс Мик – британский писатель (1960) и профессиональный журналист. С 1991 года он работал в Киеве, с 1994 по 1999 г. – в Москве для журнала «Гардиан». В эти же годы он начинает свою деятельность как писатель, представитель той шотландской школы, которая представлена именами Ирвина Уэлша и Алана Уорнера. В этот период его произведения несут явные черты сюрреализма, стиль в чем-то напоминает Франца Кафку. Сам автор назвал романы и рассказы этого времени «magical dirty realism». По признанию автора, впервые он отправляется в Киев в 1990 году, вдохновленный чтением романа М. Булгакова «Белая гвардия» [15]. Тогда же он начинает изучать русский язык, впоследствии много путешествует по России. Таким образом, к роману приступает человек, заинтересованно изучающий русскую культуру, хорошо знакомый с творчеством и тех писателей, которые составили славу России на предшествующем рубеже веков, и современных. Он имеет личные впечатления от встречи с русскими людьми, в том числе

сибиряками, о которых он будет писать. Возможно, что внимание к событиям Гражданской войны спровоцировало чтение «Белой гвардии» и то обстоятельство, что он сам был в России в период нового исторического перелома – в 1990-е годы.

Действие романа происходит в маленькой сибирской деревушке Язык, в которой оказались чешские войска в 1919 году. К началу романа это уже остатки чехословацкого легиона. Они мечтают о возвращении на свою Родину. Идеологом в этом смысле в романе становится еврей Йозеф Муц. Однако руки чехов обогреты кровью русских людей. Концентрированным воплощением насилия является офицер Мантула, антагонист Муца. Подлинным центром романа становится Кирилл Иванович Самарин. Именно его история организует сюжет. Когда-то благополучный молодой человек, получивший хорошее образование и обнаруживший блестящие способности, оказывается втянут в действия народовольцев. Он пытается спасти любимую им девушку, арестованную по обвинению в заговоре подпольщиков. Появляясь в деревне Язык через много лет после ареста Кати, он рассказывает о своем заключении в тюрьме, расположенной на краю света, на северной окраине Сибири, о том, как ему удастся выжить среди уголовников только благодаря тому, что один из них, по прозвищу Могиканин, откормил его для того, чтобы использовать в качестве пищи во время их совместного побега. Самарину удастся бежать от своего спутника. В финале обнаружится, что подлинным каннибалом Могиканином является сам Самарин.

Автор предлагает несколько нарративов, каждый из которых связан с идеей любви и одновременно с утверждением необходимости насилия во имя любви. В этом плане русский перевод названия романа «Декрет о народной любви» не вполне соответствует всем смыслам слова «акт», которые появляются в этом произведении. Нарративы обращены к «актам», связанным с любовью, также трактуемой очень по-разному.

Первый из нарративов определен с местом действия, каковым является село в глубине Сибири. Язык много ранее стал местом обитания скопцов, одной из самых опасных русских сект. Скопцы декларировали подлинность своей любви к Богу и Бога к ним, однако совершали страшное физическое насилие над собой. Эти люди сознательно лишают себя определенных органов с тем, чтобы жить только ради души и никогда не применять насилия над другими. Главой их общины является Глеб Алексеевич Балашов.

В послесловии автор ссылается на два источника, связанные с историей скопчества в России: «Своими знаниями о секте кастратов, называемых в России „скопцами“, я обязан двум монографиям. Это *La Secte Russe Des Castrats* – французский перевод книги, написанной Николаем Волковым в 1929 году, с великолепным предисловием Клаудио-Серджио Ингерфлума, *Communistes Contre Castrats*, и „Хлысту“ Александра Эткинда. Гимн скопцов из предпоследней главы романа заимствован из первого произведения» [14]. Н. Н. Волков – выпускник Коммунистического университета имени Свердлова, собиравший материалы о русском скопчестве, участвовал в качестве эксперта в ленинградском процессе над сектой в 1930 году. И тогда же издал в Ленинграде монографию «Секта скопцов» [16]. Отсюда Джеймс Мик черпает подробности обрядов, ритуалов, обычаев для своих персонажей на станции Язык. Однако более очевидно влияние монографии А. Эткинда «Хлыст: Секты, литература и революция», вышедшей в свет в 1998 году и имеющей значительный резонанс в Европе, в том числе и Великобритании. Он пишет о специфике сектантства в России и тяготеет к нему как людей из народа, так и из интеллигенции. К началу революции «религиозное инакомыслие приняло необычайно радикальный характер. Оно породило уникальные идеи и формы жизни, но так и не сумело войти в основное тело культуры... „Мистические секты“, как их стали называть в миссионерской литературе, совмещали в себе национальную подлинность и религиозную экзотику» [17]. Эткинд ссылается на утверждение английского путешественника Уильяма Диксона, который еще в 1870 году писал: «Проблема раскола – величайший из домашних вопросов России <...>. В Совете министров обсуждение каждого вопроса, как мне передавали, начинается вопросом: а что скажут старообрядцы <...> Люди, которые владеют капиталами и наживают капиталы, двигатели промышленности и коммерции, финансовые гиганты – все это члены народной церкви» [17]. Эткинд сопровождает эту информацию следующим рассуждением: «Итак, британскому читателю предлагалось верить, что богатые русские принадлежат к секретной секте. Русские банкиры, особенно те из них, кто успешны и щедры, – кастраты; но об этом не знают даже их друзья. Эти идеи включали Россию в чудесный восточный мир, в котором и благодаря которому возможно все, и в первую очередь – удовлетворение автора и привлечение читателя» [17].

Любопытна мысль о том, что русские историки и писатели, поглощенные реальностью

сект, на самом деле «воспроизводили тот самый ориенталистский жест, который западные интеллектуалы обращали к ним самим». Тем самым для интеллигента создавалась «желанная комбинация национализма и экзотизма», отсюда рождалась утопия. В секте обнаруживались основные элементы утопической конструкции: общинная собственность, простой и богобоязненный образ жизни, добродетельный семейный уклад, вплоть до полного отказа от секса. Эткинд выстраивает следующую логику мышления скопцов: «Именно человеческая сексуальность и ее производные – любовь, семья и становящаяся нужной собственность – разрушает утопический мир», поэтому «путь к бессмертию, или по крайней мере ко всеобщему счастью, лежит через искупление первородного греха, преодоление пола». Джеймс Мик явно заимствует общие рассуждения об утопическом скопчестве, очевидно, совпадающие с тем впечатлением, которые у него складываются по поводу эксцентричности русских. Надо добавить, что в Великобритании работы А. Эткинда вообще нашли признательный отклик, в 2005–2013 году он был профессором Кембриджа. Очевидно, и физиологическую конкретность деталей в совокупности с их символикой английский писатель заимствует здесь же, из «Хирургического» введения. Он описывает хлыстовский ритуал радения, который один из персонажей подсматривает в селе. Свое внимание автор явно концентрирует на обряде оскпления мужчины, которое для скопцов именуется крещением, когда тот становился «белым голубем» (в отличие от обычного хлыста, «голубя серого»). Не однажды повторяет Мик в своем романе обряд подобной инициации. Наиболее подробно – историю подобного «крещения» Глеба Балашова, который переживает головокружительный переход от социально-психологического статуса дворянина, гусара к оскпленному обитателю затерянной в Сибири общины. Итак, первый нарратив – о любви без плоти, без чувственных эмоций. Напомним, название в оригинале «The People's Act of Love», и его явно можно соотнести с этой темой.

Второй нарратив связан с чехами. Краткая историческая справка: Чехословацкий корпус – регулярное соединение, сформированное еще в годы Первой мировой войны из военнопленных чехов и словаков – бывших военнослужащих австро-венгерской армии. Предназначенный для национально-освободительной борьбы своих народов против австро-венгерского владычества, он стал орудием в руках политических сил, которые боролись за политическую власть не на родине, а в России, ударной силой в лагере полити-

ческих и военных структур антибольшевистской направленности. Его активное участие в Гражданской войне в России, независимо от субъективных устремлений отдельных военачальников и деклараций чехословацкого руководства о единственной цели – эвакуации в Западную Европу, стимулировало консолидацию и наращивание сил Белого движения, что придало этой войне невиданный до того размах и ожесточенность.

Интересно, что в 2001 году в Великобритании была издана очередная версия истории названного корпуса – книга Сержа П. Петрова, сына генерал-майора царской армии и армии Колчака Павла Петровича Петрова под названием «Воспоминания о забытой войне: гражданская война в восточной европейской России и Сибири» («Remembering a forgotten war: civil war in eastern European Russia and Siberia, 1918–1920») [18]. Серж Петров исследует переворот, который привел Колчака к власти, предлагает социальный и политический анализ военных сил белых и красных армий, комментирует плохое руководство и стратегические недостатки, которые привели к гибели Белой армии. Очевидный интерес к этим событиям обнаруживает в то же время и Джеймс Мик.

Он показывает, как в тихой скопческой обители в Сибири появляются чехи, которые под воздействием объективных обстоятельств, во имя обретаемой их страной в этот период национальной независимости и во имя личной свободы, вынуждены творить насилие. Индивидуальным воплощением идеи убийств во имя свободы становится офицер Мантула. Более сложным является нарратив персонажа по имени Муц. Он часть чешского отряда, но отличается от остальных тем, что говорит на немецком как бывший чиновник Австро-Венгерской империи и поэтому парадоксально ассоциируется с ней. Парадоксально, потому что он – еврей, а в распавшейся империи представители его нации были гонимы и презираемы так же, как отвергают его и сослуживцы в данный момент. Они практически отказывают ему в праве голоса. В одном из своих интервью, данных в момент выхода книги, Мик сказал: «Когда я писал роман, у меня появился там еврейский характер, порожденный первой Мировой войной. В отличие от его чешских товарищей, он оплакивает крах Австро-Венгерской империи, к которой они все когда-то принадлежали... Роман был написан евреем, и это определило его элегический дух. Это – конечно не критика погибшей империи. Это элегия, посвященная безумию человечества, но это не вид обвинительного акта. Это – лирический вызов сего-

дняшнего замечательного мира, баланса между очень многими этносами» [14]. Сложная тема еврея Муца дополняется тем, что по убеждениям он большевик. Иначе говоря, в образе этого невзрачного и незаметного человека отражается вся полнота разворачивающейся грандиозной битвы идей, ни в коей мере не осознаваемая до конца ни одним из ее участников.

Сами большевики появляются лишь в финале романа. Программа их любви к народу прописана невнятно, но подчеркивается готовность к убийству всех на их пути. Символом большевизма становится железная громада бронепоезда, на котором они прибывают. Лейтмотивом становится имя Троцкого, традиционно в западном общественном сознании ассоциирующегося с русской революцией.

Самым многозначным является нарратив Самарина Кирилла Ивановича. Дворянин по происхождению, он переживает искушение нигилизмом (эта идея прописана автором явно под влиянием Сергея Степняка), рассказывает о каторге (еще один мотив, характеризующий насилие над личностью в царской России), оказывается способным преодолеть огромные пространства зимней Сибири.

Прологом к этому образу становится подробно процитированный в начале романа «Катехизис революционера»: «Революционер вступает в государственный, сословный и так называемый образованный мир и живет в нем только с целью его полнейшего, скорейшего разрушения, – зачитывала девушка наизусть. – Он не революционер, если ему чего-нибудь жаль в этом мире. Если он может остановиться перед истреблением положения, отношения и какого-либо человека, принадлежащего к этому миру, в котором все и вся должны быть ему равно ненавистны. Тем хуже для него, если у него есть в мире родственные, дружеские или любовные отношения: он не революционер, если они могут остановить его руку» [14].

Беспощадность Самарина доводится до логического предела. Он не только крадет ребенка у своей возлюбленной и подвергает его смертельной опасности для достижения своей практической революционной цели, но и способен есть плоть только что убитого им человека: «Подожел к погибшему дезертиру и отогнул у трупа правую руку. Огляделся, всматриваясь в верховья стремнины – туда, откуда пришел, положил конечность мертвеца запястьем на камень, омываемый ручейком, и откромсал ладонь, перепиливая сухожилия и не столько разрезая, сколько разрывая суставы. От крови камень потемнел, и

красные лужицы слились с потоком, клубясь в воде» [14].

С этим нарративом с очевидностью соотносится «хаос бесовщины». Джеймс Мик явно читал Достоевского, а, как говорилось выше, именно этот автор в восприятии зарубежного читателя смог воплотить те глубины русской души, которые привели к беспощадности революции. Так полагали современники тех событий, так полагает и Д. Мик. Он пытается передать ту мысль романа «Бесы», которая так точно была определена Н. Бердяевым: «Левые круги наши увидели тогда в „Бесах“ карикатуру, почти пасквиль на революционное движение и революционных деятелей. <...> Пророчество приняли за пасквиль. Сейчас, после опыта русской революции, даже враги Достоевского должны признать, что „Бесы“ – книга пророческая. Достоевский видел духовным зрением, что русская революция будет именно такой и иной быть не может. Он предвидел неизбежность беснования в революции. Русский нигилизм, действующий в хлыстовской русской стихии не может не быть беснованием, иступленным и вихревым кружением. Это иступленное вихревое кружение и описано в „Бесах“ [19].

В романе Мика самый яркий персонаж Гражданской войны оказывается в буквальном смысле каннибалом. Завершают роман слова: «Идея Могикинина – есть нечто таинственное, непостижимое в том, как сам бунтовщик столкнулся с противодействием: дух разрушения подтачивал его же изнутри, и все тот же злокозненный ум, что так живо вообразил никогда не существовавшую каторгу в Арктике, побудил отправиться в подлинное путешествие к настоящим Белым Садам, с обычной своей непреклонностью, хотя и по другой причине – ради одной, знакомой страннику женщины, и оказался готовым преступить через что угодно, лишь бы достигнуть цели».

Таким образом, образ воюющей России складывается из мороза и снега бесконечной страшной Сибири, крови, которую проливают все участники действия, скопцов как основы утопической патриархальной страны, революционер-каннибала, чехов, безвинно страдающих в хаосе чужого государства. Джеймс Мик был в большей степени, чем другие писатели Великобритании, погружен в атмосферу России. Возможно, годы распада бывшего СССР, новый хаос, в котором оказалась страна, повлияли на его концепцию. Но он явно возвращается к той конструкции мифа о России, которая в начале XX века казалась преодоленной, и заметно усиливает ее негативные составляющие.

Аналогичные процессы обнаруживаются во всей английской литературе о России рубежа XX–XXI веков. Л. Ф. Хабибуллина в статье «Специфика стереотипизации образа России в современной английской литературе» приходит к выводу о том, что в английском романе создается амбивалентный образ нашей страны: «Стереотип благодаря этой амбивалентности формируется уже не на наднациональных основаниях, а приобретает собственно национальные черты: страна великой культуры, но тиранической власти, глубокой духовности, но низкой политической и бытовой культуры, с неразвитой демократией, но развитой душой» [20, с. 174].

Список источников

1. Полякова О. А. Образ России в литературе Великобритании: имагологические аспекты исследований Н. П. Михальской // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. № 8 (август). URL: <http://e-koncept.ru/2016/16171.htm>. (дата обращения: 01.06.2022).
2. Михальская Н. П. Образ России в английской художественной литературе IX–XIX вв. М.: МПГУ, 1995. 152 с.
3. Королева С. Б. Миф о России в британской литературе (1790-е – 1920-е годы): дис. ... докт. филол. наук. Нижний Новгород, 2014. 461 с.
4. Buchanan Sir George. My mission to Russia and Other Diplomatic Memories. Boston: Little, Brown&Co, 1923. 280 p.
5. Russia in Britain, 1880–1940. From Melodrama to Modernism. Ed. by Rebecca Beasley and Philip Ross Bullock. Oxford University Press, USA, 2013. 326 p.
6. Красавченко Т. Н. «Загадка, завернутая в тайну и помещенная внутрь головоломки» // Отечественные записки. 2007. № 5 (38). URL: <http://www.strana-oz.ru/2007/5/zagadka-zavernutaya-v-taynu-i> (дата обращения: 01.06.2022).
7. Woolf V. The Common Reader. L., 1938. 202 p.
8. Бочкарева Н. С. Реминисценции русской культуры в романе А. С. Байетт «Детская книга» // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2018. № 4. С. 48–54
9. Грэхем С. Непознанная Россия. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%93/grehem-stiven/peroznannaya-gossiya> (дата обращения: 01.06.2022).
10. Теличко Т. Г. Слово Достоевского в «русской» диалогии Х. Уолпола «Темный лес» и «Таинственный город» // Лінгвістичні студії. Зб. наук. праць. Вип. 25. Донецьк: ДонНУ, 2012. С. 167–171.
11. Figs O. A People's Tragedy: The Russian Revolution: 1891–1924. Penguin Books; 1998. 1024 p.
12. Уильямсон Х. Прощание с Доном: гражданская война в дневниках британского офицера, 1919–1920 / пер. с англ. А. С. Цыпленкова. М.: Центрполиграф, 2007. 302 с.

13. Бочкарева Н. С. Русские и англичане накануне войны и революции в романах П. Фицджеральд и А. Байетт // XXVIII Пуришевские чтения. Русская революция 1917 года в литературном сознании Запада. М.: МПГУ, ООО «САМ ПОЛИГРАФИСТ», 2016. С. 12–13.

14. Мук Д. Декрет о народной любви / пер. А. Асвадова. СПб.: Амфора, 2006. 462 с.

15. Fernandes D. R. Interview with James Meek. TBR, issue 51: January – February 2006. URL: https://barcelonareview.com/51/e_int.htm (дата обращения: 01.06.2022).

16. Волков Н. Н. Секта скопцов. Л.: Прибой, 1931. 168 с. URL: <http://padabum.com/d.php?id=123781> (дата обращения: 01.06.2022).

17. Эткин А. М. Хлыст. Секты, литература и революция. М.: НЛО, 1998. 648 с. URL: <https://nplus1.ru/blog/2019/07/25/khlysts> (дата обращения: 01.06.2022).

18. Petroff Serge P. Remembering a forgotten war: civil war in eastern European Russia and Siberia, 1918–1920. Eastern European Monographs, 2001. 360 p

19. Бердяев Н. Духи русской революции // Сборник статей о русской революции. М-П: Русская мысль. 1918. С. 55–90. URL: <https://proza.ru/2017/12/03/1141> (дата обращения: 01.06.2022).

20. Хабибуллина Л. Ф. Специфика стереотипизации образа России в современной английской литературе // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2014. № 2 (3). С. 170–175.

References

1. Polyakova, O. A. (2016). *Obras Rossii v literature Velikobritanii: imagologicheskie aspekty issledovaniy N. P. Michalskoy* [The Image of Russia in British Literature: Imagological Aspects of N. P. Mikhalskaya's Works]. *Nauchno-metodicheskii elektronnyi zhurnal "Kontsept"*. No. 8. URL: <http://e-koncept.ru/2016/16171.htm> (accessed: 01.06.2022). (In Russian)
2. Mihal'skaya, N. P. (2003). *Obraz Rossii v angliiskoi hudozhestvennoi literature IX-XIX vv.* [Image of Russia in English Literature in the 9th-19th Centuries]. 132 p. Izd-vo Litera-turnogo instituta im. A. M. Gor'kogo. Moscow. (In Russian)
3. Koroleva, S. B. (2014). *Mif o Rossii v britanskoi literature: dis. ... dokt. filol. nauk (1790-1920)* [The Russian Myth in British Literature (1790-1920): Doctoral Thesis]. Nizhny Novgorod, 461 p. (In Russian)
4. Buchanan, Sir George (1923). *My Mission to Russia and Other Diplomatic Memories*. 280 p. Boston, Little, Brown&Co. (In English)
5. *Russia in Britain, 1880-1940. From Melodrama to Modernism* (2013). Ed. by Rebecca Beasley and Philip Ross Bullock. 326 p. Oxford University Press, USA. (In English)
6. Krasavchenko, T. N. (2007). *"Zagadka zavernutaya v tainy i pomezennaya vnutr golovolomki"* ["A Riddle Wrapped in a Mystery inside an Enigma"]. *Otechestvennye zapiski*. No. 5 (38). URL:

<http://www.strana-oz.ru/2007/5/zagadka-zavernutaya-v-taynu-i> (accessed: 01.06.2022). (In Russian)

7. Woolf, V. (1938). *The Common Reader*. 202 p. L. (In English)

8. Bochkareva, N. S. (2018). *Reministsentsii russkoi kultury v romane A. S. Byett "Detskaya kniga"* [Russian Reminiscences in A. S. Byett's "The Children's Book"]. *Vestnik Baltiiskogo Federal'nogo Universiteta im. I. Kanta. Seriya: Filologiya, Pedagogika, Psikhologiya*. No. 4, pp. 48-54. (In Russian)

9. Graham, S. (1914). *Nepoznannaya Rossiya* [Undiscovered Russia]. Per. M. Il'ushinoi. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%93/grehem-stiven/nepoznannaya-rossiya> (accessed: 01.06.2022). (In Russian)

10. Telichko, T. (2012) *Slovo Dostoyevskogo v "russkoi" dilogii H. Uolpola "Tomnyi les" i "Tainstvennyi gorod"* [Dostoyevsky's Word in the "Russian" Dilogy of Hugh Walpole "The Dark Forest" and "The Secret City"]. *Lingvisticheskaya studiya*. Vol. 25, pp. 167-171. Donetsk. (In Russian)

11. Figes, O. (1998). *A People's Tragedy: The Russian Revolution: 1891-1924*. 1024 p. Penguin Books. (In English)

12. Williamson, H. (2007). *Proshanie s Donom grazhdanskaya voina v dnevnikah britanskogo ofizera* [Farewell to the Don: The Journal of Brigadier H. N. H. Williamson]. Transl. by A. Zyplenkov. 302 p. Moscow, Tsentrpoligraf. (In Russian)

13. Bochkareva, N. S. (2016). *Russkie i anglichane nakanune voiny i revolutsii v romanah P. Fitzgerald i A. Byatt* [The Russians and the British on the Eve of War and Revolution in Novels of P. Fitzgerald I A. Byatt].

XXVIII Purishevskiyechteniya. Russkaya revolyutsiya 1917 goda v literaturnom soznanii Zapada. Moscow, MPGU, OOO "SAM POLIGRAFIST", pp. 12-13. (In Russian)

14. Meek, J. (2006). *Decret o narodnoi lubvi* [The People's Act of Love]. Transl. by A. Asvadov. 462 p. St. Petersburg, Amphora. (In Russian)

15. Fernandes, D. R. (2006). *Interview with James Meek*. TBR, Issue 51: January – February. URL: https://barcelonareview.com/51/e_int.htm (accessed: 01.06.2022). (In English)

16. Volkov, N. N. (1931). *Sekta skopzov* [The Sect of the Eunuchs]. 168 p. Leningrad. Priboi. URL: <http://padabum.com/d.php?id=123781> (In Russian)

17. Etkind, A. (1998). *Hlyst. Sekty, literatura i revolyutsiya* [Hlyst. Sects, Literature and Revolution]. 648 p. Moscow, NLO. URL: <https://nplus1.ru/blog/2019/07/25/khlysts> (In Russian)

18. Petroff, Serge P. (2001). *Remembering a Forgotten War: Civil War in Eastern European Russia and Siberia, 1918-1920*. Eastern European Monographs. 360 p. (In English)

19. Berdyaev, N. A. (1918). *Duhi russkoi revolutsii* [The Spirits of the Russian Revolution]. *Sbornik statei o russkoi revolyutsii*. M-P: Russkaya mysl'. Pp. 55-90. URL: <https://proza.ru/2017/12/03/1141?> (accessed: 01.06.2022). (In Russian)

20. Khabibullina, L. F. (2014). *Spetsifika stereotipizatsii obraza Rossii v sovremennoi angliiskoi literature* [The Specifics of the Stereotypification of the Image of Russia in Modern English Literature]. *Vestnik Nizhne Novgorodskogo universiteta*. No. 2 (3), pp. 170-175. (In Russian)

The article was submitted on 14.06.2022
Поступила в редакцию 14.06.2022

Новикова Вера Григорьевна,

доктор филологических наук,

доцент,

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского,

603000, Россия, Нижний Новгород,

Проспект Гагарина, 23.

wnovikova@mail.ru

Novikova Vera Grigorievna,

Doctor of Philology,

Associate Professor,

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,

23 Gagarin Str.,

Nizhny Novgorod, 603000, Russian Federation.

wnovikova@mail.ru